

Харитонова Н.И.

Экогеополитика как новый концепт в геополитической парадигме международных отношений

Харитонова Наталья Ивановна — доктор политических наук, доцент, доцент кафедры истории стран ближнего зарубежья, исторический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: natahari@yandex.ru

SPIN-код РИНЦ: [6491-4442](#)

ORCID ID: [0000-0002-7980-6562](#)

Аннотация

Статья посвящена актуальной в рамках международного геополитического дискурса проблеме — формированию новой мировой климатической повестки и ее влиянию на механизмы глобального управления. В исследовании предлагается к введению в научный оборот понятие и категория «экогеополитика», оформленная как новый геополитический концепт, а также определение политики «зеленого курса» как нового глобального мегатренда. Целью статьи является концептуализация экогеополитики как нового феномена международно-политической жизни и новой категории геополитического дискурса. Цель достигается путем решения следующих задач: концептуализации понятия «экогеополитика» для последующего соотнесения с эмпирической базой в рамках интерпретационной схемы, определения основных направлений трансформации мировой повестки; оценки влияния нового мегатренда на механизмы глобального управления; характеристики перспектив экогеополитики как политической практики и как нового геополитического концепта. В исследовании были использованы системный и геополитический подход, сравнительный и терминологический анализ, результаты исследования были верифицированы методом экспертных оценок. Автор пришел к выводам, согласно которым экологические и климатические проблемы стали новым глобальным мегатрендом, фактором глобальной конкуренции за ресурсы и геополитическое лидерство, где ключевая роль все еще принадлежит США. Одновременно на уровне геополитической тактики указанные проблемы выступают в качестве технологий гибридного противоборства. Предложенный в статье экогеополитический концепт в рамках реализации концептуальной схемы был успешно соотнесен с интерпретационной схемой, обеспечившей связь предложенного нового концепта с эмпирической базой исследования. Перспективы экогеополитики как нового геополитического концепта видятся вполне востребованными для анализа международно-политической активности. Операциональный потенциал предложенных к введению в научный оборот понятия и категории «экогеополитика» может использоваться для объяснения специфики трансформации мировой политической повестки и качественно-количественных изменений в перечне глобальных мегатрендов. Особое значение концепт экогеополитики в качестве объяснительной стратегии может иметь для текущей оценки состояния национальной и международной безопасности.

Ключевые слова

Экогеополитика, концепт, геополитика, экополитика, мегатренды, глобальная повестка, экологическое принуждение.

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-86-178-199

Kharitonova N.I.

Eco-Geopolitics as a New Concept in the Geopolitical Paradigm of International Relations

Natalya I. Kharitonova — DSc (Political Sciences), Associate Professor, Department of History of the New Independent States, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: natahari@yandex.ru

ORCID ID: [0000-0002-7980-6562](https://orcid.org/0000-0002-7980-6562)

Abstract

The article is devoted to an urgent problem within the framework of international geopolitical discourse — formation of a new global climate agenda and its impact on the mechanisms of global governance. The study proposes to introduce into scientific circulation the concept and category of “eco-geopolitics”, formalized as a new geopolitical concept, as well as the definition of the “green course” policy as a new global megatrend. The goal of the article is to conceptualize eco-geopolitics as a new phenomenon of international political life and a new category of geopolitical discourse. This goal is achieved by solving the following tasks: conceptualizing the concept of “eco-geopolitics” for subsequent correlation with the empirical base within the framework of an interpretive scheme, defining the main directions of the world agenda transformation; assessing the impact of the new megatrend on global governance mechanisms; characterising the prospects of eco-geopolitics as a political practice and as a new geopolitical concept. The study used a systemic and geopolitical approach, comparative and terminological analysis, the results of the study were verified by the method of expert assessments. The author came to the conclusion that environmental and climatic problems have become a new global megatrend, a factor in global competition for resources and geopolitical leadership, where the United States still plays a key role. At the same time, at the level of geopolitical tactics, these problems act as technologies of hybrid confrontation. The eco-geopolitical concept proposed in the article within the framework of implementing the conceptual scheme was successfully correlated with the interpretive scheme, which provided the connection of the proposed new concept with the study empirical basis. Prospects of eco-geopolitics as a new geopolitical concept seem to be quite relevant for the analysis of international political activity. The operational potential of the concepts and categories of “eco-geopolitics” proposed for introduction into scientific circulation can be used to explain the specifics of the world political agenda transformation and qualitative and quantitative changes in the list of global megatrends. The concept of eco-geopolitics as an explanatory strategy may be of particular importance for the current assessment of national and international security.

Keywords

Eco-geopolitics, concept, geopolitics, ecopolitics, megatrends, global agenda, environmental coercion.

DOI: 10.24412/2070-1381-2021-86-178-199

Введение

Мировое сообщество находится на пороге новой геополитической эпохи. В настоящее время коллективный Запад, традиционно задающий направление и темпы мирового развития, формулирует и запускает новую мировую повестку, которую можно охарактеризовать как новую идеологию, призванную укрепить позиции либерализма. Последний как идеология и парадигма политического и социально-экономического развития испытывает серьезное напряжение в связи с негативными последствиями ряда кризисов, им же порожденных. Либеральный мировой порядок, утвердившийся после падения СССР как ключевого конкурента и противника США в холодной войне,

стремился закрепить свои позиции через формирование однополярной модели системы международных отношений. Однако модель себя не оправдала: США, претендовавшие на роль мирового гегемона, не справились с этой задачей. Вашингтон столкнулся с сопротивлением стремившихся проводить самостоятельный внутри- и внешнеполитический курс региональных лидеров, а также объективной нехваткой ресурсов — политических, экономических, дипломатических — для реализации своих устремлений. Меняется и структура мировой экономики, как и рейтинг мировых экономических лидеров, — Китай уверенно обходит США. Однако Вашингтон намерен продолжать борьбу за мировое господство. Новый госсекретарь США Э. Блинкин в январе 2021 г. недвусмысленно заявил в своем приветственном выступлении в Госдепартаменте: «Мир нуждается в руководящей роли Америки, и мы ее будем играть, потому что мир гораздо более вероятно сможет решать проблемы и справляться с вызовами вместе с США»¹. Таким образом, осознавая возможную перспективу окончательной потери глобального контроля, США начали продвигать новую мировую повестку, которую эксперты определили как «зеленый курс». Эта повестка должна восстановить позиции США как страны, которая будет продолжать навязывать всему миру свою волю, свои «правила игры» и свой формат развития национальных государств.

С точки зрения политического потенциала экологические проблемы и охрана окружающей среды сопоставимы с экономическим инструментарием, «мягкой силой» и даже военно-политическим фактором. Все они оказываются функциональными в рамках геостратегии, то есть экологическая политика вписывается в геополитическую парадигму международных отношений. Новое измерение экологической политики, которая, очевидно, становится новым измерением геополитики, позволяет выделить новую проблемную область геополитики — экогеополитику, характеристике которой и посвящена настоящая статья. Целью статьи является концептуализация экогеополитики как нового феномена политической жизни и новой категории геополитического дискурса. Обозначенная цель достигается путем последовательного решения следующих задач: концептуализации понятия «экогеополитика» для последующего соотнесения с эмпирической базой в рамках интерпретационной схемы, определения основных направлений трансформации мировой повестки; оценки влияния нового мегатренда на механизмы глобального управления; характеристики перспектив экогеополитики как политической практики и как нового геополитического концепта.

¹ Новый глава Госдепа заявил, что мир нуждается в лидерстве США // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/748159> (дата обращения: 01.04.2021).

Проблема экологической политики в связке с геополитикой национальных государств не получила широкого освещения в современной отечественной литературе. Более того, специалисты в середине 2000-х годов констатировали, что экология «пока не является сферой повышенного интереса отечественной политической науки» [Шуленина 2006, 51]. Этот интерес лишь начинает формироваться, и то лишь в рамках отдельных дискурсов. Очевидные пробелы в изучении этой новой проблемы международных отношений дополнительно актуализирует представленную работу. В рамках реализации исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, были использованы системный и геополитический подход, сравнительный анализ, терминологический анализ; результаты исследования были верифицированы методом экспертных оценок.

Экогеополитика: проблема концептуализации

Экогеополитика может быть определена как политика, обусловленная экологической проблематикой в рамках геополитического подхода к реализации международно-политической практики. Исходя из обозначенного определения, предлагаемый для введения в научный оборот термин «экогеополитика» включает в себя две составляющие (два концепта): экологическую и геополитическую. Соответственно, экогеополитический концепт объединяет в себе экологический концепт и геополитический (геополитический концепт, в свою очередь, объединяет в себе политический, географический, исторический, философский, социальный и другие концепты (или выступает продуктом их синтеза)).

Началом интеграции экологического фактора в политику принято считать выход книги Б. Коммонера «Замыкающийся круг», который впервые указал на то, что проблема экологического кризиса, по сути, является проблемой системы социальной справедливости [Commoner 1971]. Так, экология и проблема охраны окружающей среды попали в центр внимания политиков, за чем последовало появление экополитических исследований и неизбежное формирование и постепенная политизация экологических движений. Политологи же столкнулись с принципиально новой проблемой: если от политики страдает природа, то такая политика неадекватна и не имеет будущего [Ермолов 2012]. К тому времени уже сформировалось такое направление, как глобалистика, анализирующая экологические проблемы и вопросы охраны окружающей среды в контексте решения глобальных проблем современности.

Ключевую роль в глобальном управлении в сфере экологии играет международно-правовая база, где обозначены контуры международной экологической политики, ее стратегические цели и задачи. В основе подавляющего большинства ключевых документов лежит концепция устойчивого развития. Речь идет прежде всего о докладе Комиссии ООН по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» (так называемая комиссия Брутланд, 1987 г.), документах Конференции ООН по окружающей среде (1992 г.) в Рио-де-Жанейро («Декларация Рио», «Повестка дня на XXI век»), Конференции ООН «РИО+20» (2012 г.) («Будущее, которого мы хотим» («The Future We Want»)) и Саммите ООН (2015 г.) по принятию Повестки дня в области развития (на Саммите были утверждены Цели устойчивого развития до 2030 г.). В этих документах содержится призыв к национальным государствам следовать концепции устойчивого развития (как альтернативе модели «несбалансированного развития», «экономоцентризма» [Полулях 2017]), предполагающей паритет экономических, социальных и экологических ценностей, способствующей гармоничному антропогенному развитию цивилизации, не противоречащему ее дальнейшему существованию [Костин, Изотов 2017, 65]. Со временем расширился не только набор инструментов экологической политики, но и сформировались разнообразные национальные модели экополитики.

В. Williams и А. Matheny выделяют следующие типы экополитики: управленческий, плюралистический, коллективный [Williams, Matheny 1995]. В подавляющем большинстве современных государств функционируют все три указанных типа экополитики. Динамизм современной политической жизни безусловно оказывает влияние на эти модели: формируются корпоративные интересы, продвигаемые в политическом поле конкурирующими национальными и международными промышленными корпорациями, ориентирующимися на прибыль; кристаллизуются и продвигаются традиционным и гибридным политическим инструментарием интересы социальных групп и международных объединений и т.д.

Развитие экологического дискурса в научном и публичном (национальном и международном) полях не мог не породить такие направления политической практики, как экологический геноцид (экоцид или экогеноцид), экологический национализм (экоационализм), экологический фашизм (экофашизм), экологический расизм (экорасизм). Все эти практики имеют весьма развитую идеологическую основу, в рамках которой экологическая проблематика призвана выступать одним из легитимизирующих элементов. Все указанные направления носят экстремистский характер и в общих чертах

исповедуют идею о том, что все страны априори не могут достичь уровня жизни развитых западных государств, в противном случае человечеству не избежать экологической катастрофы, поэтому необходимо сохранить и подвергнуть «консервации» экономический разрыв между глобальным Севером и глобальным Югом. Соответственно, политика либеральных правительств, апеллирующих к демократии, реализующих в той или иной мере политику толерантности, несостоятельна и губительна для западной цивилизации; экологический кризис может быть преодолен только через установление экодиктатуры. По мнению другого лагеря — экологических анархистов (экоанархисты), государство как институт в принципе не способно справиться с современными экологическими проблемами, возникшими именно из-за появления государственного строя как такового.

Основное противоречие, которое, как предполагается, должно быть разрешено инструментарием экологической политики, заключается в том, что социальные условия удовлетворения экологических потребностей чаще всего противоположны тем, которые нужны для удовлетворения других материальных потребностей [Ермолов 2012]. Традиционная государственная политика обычно направлена на повышение благосостояния народа, что возможно при активном росте национальной экономики. Это, в свою очередь, влечет интенсификацию потребления природных ресурсов и повышение объемов выбросов (другими словами, идеология «общества потребления» является ловушкой с точки зрения экологической политики). Со временем давление антропогенного фактора становится столь чувствительным для общества, что оно начинает воспринимать это давление как угрозу. Как следствие, экологический фактор внедряется в политику и становится фактором политическим — так экологическая политика становится важной частью политической и общественной жизни страны. Далее, как показывает опыт стран Западной Европы, экологическая проблематика становится ключевым экономическим фактором, формируя тенденции социально-экономического развития [Wagner, Weitzman 2016]; кроме того, она активно проецируется на внешнеполитические интересы страны. Здесь, на внешнеполитическом контуре, происходит взаимодействие экополитики национальных государств и международных (межгосударственных) экополитических структур, а также национальных, региональных и международных (негосударственных) экологических движений и организаций. Таким образом, речь идет о межуровневом взаимодействии разнообразных по природе экополитических систем, формирующем контуры экополитического пространства.

В отличие, к примеру, от политики экологического насилия [Нефедов 2013], причиной которого выступает экологическая деградация, приводящая к конфликту в одном политическом обществе, экогеополитика включает в себя разнонаправленные тенденции: от проблем ухудшающейся экологической обстановки в отдельных регионах и субрегионах мира до успешных проектов природоохранного характера, реализуемых усилиями международных организаций или отдельных национальных государств.

Соответственно, мы можем наблюдать и различие целей государства в рамках экополитики и экогеополитики.

Целью государственной экополитики при всей разности подходов к определению понятия «экологическая политика» [Шуленина 2006] является обеспечение экологической безопасности (являющейся составной частью национальной безопасности) и поддержание баланса интересов государства, общества и индивида, организация контроля над их действиями в сфере экологии, рационализация природопользования и гармонизация взаимодействия общества и природы в целом. В зависимости от масштабов специалисты выделяют глобальную, национальную, региональную и локальную экополитику [Там же, 55].

Целью экогеополитики, реализуемой государством, является удовлетворение национальных геополитических интересов посредством реализации внешней политики в рамках принятой геостратегии. Таким образом, экогеополитика ориентирована в большей степени вовне (в соответствии с формулой, согласно которой внешняя политика является продолжением внутренней), она может быть как согласованной с геополитическими интересами других стран, так и противоречить им и даже конфликтовать с ними. Разработка и концептуализация национальной экогеополитики неизбежно сталкивается с проблемой реализации принципа неделимой безопасности, согласно которому обеспечение безопасности одного государства не должно реализовываться за счет ослабления безопасности другого государства. Изначально это положение в целом касалось коллективной военно-политической безопасности государств, однако сегодня с рядом оговорок оно вполне применимо для характеристики ситуации с национальной и международной экологической безопасностью.

Таким образом, ключевым требованием реального вхождения экологического фактора в политику является следующее: экологический фактор должен быть одним из условий формирования общественных институтов либо условием их трансформации или разрушения [Ермолов 2012]. Соответственно, в рамках геополитической парадигмы экологическая проблематика становится геополитическим фактором и в таком качестве

инкорпорируется в национальные геостратегии. И если раньше при разработке страновых и региональных геостратегий национальные государства-субъекты так или иначе учитывали давление антропогенного фактора на экосистему стран-объектов геополитического воздействия, то сегодня роль этого фактора не просто возросла, экологическая проблематика стала фактически инструментом реализации геостратегии, которому сегодня ряд западных стран отводят определяющую роль (в западной литературе давно используется термин *environmental geopolitics*, в то время как в российском политическом дискурсе аналогичные термин и категория до настоящего времени отсутствовали). Эти условия являются вводными для концептуализации феномена экогеополитики.

Основные направления трансформации мировой повестки

Необходимо признать, что трансформацией мировой повестки мир обязан в основном одному государству, не желающему признавать свое поражение в сражении за идеологическое единообразие и статус мирового гегемона. США в условиях жесточайшего внутривнутриполитического кризиса лихорадочно ищут инструменты, которые позволят им продолжить борьбу за мировое превосходство. В результате на начало 2021 г. внешнеполитические задачи США были сформулированы как «три К»: коронавирус, климат и Китай. При этом в действующей Стратегии национальной безопасности (2017 г.) Россия представлена как геополитическая угроза США в Европе, в Азии и на Ближнем Востоке, а также стратегический соперник в ядерной, цифровой, космической сфере и ряде других. Поэтому в военно-стратегическом плане США сегодня учитывают возможность участия в двух конфликтах: против России на Украине и против Китая, с которым у США противоречия только нарастают, в Юго-Восточной Азии. Таким образом, можно констатировать, что геостратегия США направлена на сдерживание России и Китая. Примечательно, что Китай как одно из трех «К» имеет непосредственное отношение к двум другим «К»: в случае коронавируса, как известно, источником был именно Китай, а в случае комплекса климатических проблем Китай, будучи страной, на которую приходится существенная доля выбросов, неожиданно поддержал американскую инициативу по формированию углеродно-нейтрального мира.

Коронавирус или, точнее, пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19, пожалуй, единственный элемент из американских «трех К», который в одинаковой степени тревожит всех участников международных отношений. По этой причине он закономерно присутствует в числе стратегических задач внутренней и внешней политики государств. Последствия пандемии привели к существенным

изменениям в социально-экономической сфере, для восстановления национальных экономик, включая внешнеэкономический сегмент, потребуется не один год, неизбежны и структурные изменения. Эксперты и до пандемии указывали, что в ближайшие полвека мировую экономику ожидает стагнация при одновременном 40%-ном росте неравенства в богатых странах мира [Blyth 2016, 179]. Очевидно, фактор COVID-19 значительно усугубил ситуацию.

Кроме того, национальные государства уже стали уделять больше внимания системе обеспечения биологической безопасности (именно в контексте механизмов возникновения угрозы и ее масштабирования с локального на глобальный уровень, как это произошло с коронавирусом COVID-19). В этом контексте практически неизбежна интенсификация политики США по расширению сети биологических лабораторий во всем мире как элементов обеспечения биологической безопасности США — «биоПРО» (хоть и официально под эгидой ВОЗ) [Харитоновна 2018]. При этом наибольшее внимание будет уделяться приграничным территориям России и Китая — там такого рода объектам будет отводиться роль элементов политики геополитического сдерживания.

Наконец, климат как третий элемент модернизированного внешнеполитического подхода США призван определить США как глобального регулятора в сфере экологии, климата и охраны окружающей среды. Вся климатическая повестка с 2015 г. выстраивается вокруг Парижского соглашения в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (UN Framework Convention on Climate Change, UNFCCC, РКК ООН), являющегося, по сути, также рамочным. По сегодняшний день ведется поиск инструментов и методик расчета углеродной нейтральности, то есть того, что станет реальным наполнением Парижского соглашения.

Администрация Дж. Байдена объявила в апреле 2021 г. новый «зеленый курс» США (как известно, экс-Президент США республиканец Д. Трамп был против «зеленой повестки» в принципе), стержневым элементом которого и является климатическая повестка и Парижское соглашение. Стронниками и главными лоббистами этого курса стало радикальное крыло Демократической партии США, известное своими глобалистскими амбициями и устремлениями. Белый дом тут же объявил, что готов выделить на реализацию «зеленого курса» 100 трлн долл.

Объявление США нового «зеленого курса» произошло в преддверии Климатического саммита — 2021 (22–23 апреля 2021 г.), организованного американской стороной в онлайн-формате в так называемый День Земли. Это была первая международная инициатива нового Президента США демократа Дж. Байдена.

Вашингтон позиционировал Саммит с участием 40 лидеров государств как важную веху в преддверии 26-й Конференции сторон Рамочной конвенции об изменении климата, которая должна пройти в ноябре 2021 г. Страна-организатор на саммите дала понять развивающимся странам: либо они построят «зеленую экономику» за счет собственных средств, либо будут платить развитым государствам пошлины за вредные выбросы². Правда, при этом Президент США пообещал выделить 5,7 млрд долл. в период до 2024 г. развивающимся странам на целевые проекты по «озеленению» их экономик, чего, по мнению экспертов, будет явно недостаточно. Очевидно, что новый курс США находится в процессе согласования с развитыми странами Европейского союза (ЕС объявил «европейский зеленый курс» еще в 2019 г.), являющегося локомотивом разработки и дальнейшей реализации современной мировой экологической политики. Таким образом, США и ЕС, обладающие развитыми «зелеными технологиями», предлагают развивающимся странам платить за то, чего те пока не имеют. Получается, что развитые страны будут развивать свои «экономики нулевого выброса» (углеродно-нейтральные экономики) за счет развивающихся стран.

Российская сторона традиционно подтвердила приверженность международным соглашениям, имеющим международно признанный правовой статус. Президент РФ В. Путин подчеркнул в своем выступлении на Саммите: «Россия со всей ответственностью подходит к выполнению своих международных обязательств в данной сфере. Прежде всего это касается реализации Рамочной конвенции ООН об изменении климата, Киотского протокола и Парижского соглашения. Ведем энергичную работу по формированию в нашей стране современного законодательства, обеспечивающего контроль за эмиссией углерода и стимулирующего ее сокращение»³. Таким образом, Россия поставила под сомнение одностороннюю политику шантажа и попыток навязать приоритетность климатических программ со стороны США и ее союзников в ЕС в отношении остального мира. Кроме того, Россия также обещала преференции чистым производствам⁴.

² Климатический саммит обернулся шантажом развивающихся стран // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/04/25/867547-klimaticheskii-sammit> (дата обращения: 20.04.2021).

³ Саммит по вопросам климата // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65425> (дата обращения: 20.04.2021).

⁴ Там же.

В целом значение Климатического саммита — 2021 заключается в легализации процесса трансформации глобальной повестки и появлении нового глобального мегатренда мирового развития. Принципиальное значение имеет то, что ее предложили, будут реализовывать и пытаться контролировать выполнение разработанных и навязанных Вашингтоном правил всем членам мирового сообщества сами США. Это «действие» призвано продемонстрировать возвращение США к гегемонистской повестке своей внешней политики и новые претензии на упрочение роли мирового управляющего. Таким образом, новый «зеленый курс» США становится центральным элементом в их практической экогеополитике.

Влияние нового мегатренда на механизмы глобального управления

В ближайшие годы, пока в Белом доме будут «заправлять» демократы, миру нужно быть готовым к тому, что центральное место в глобальной повестке будет занимать новый глобальный мегатренд — борьба с экологическими проблемами с целью предотвратить климатический кризис. То есть речь идет о новой глобальной экологической политике, вдохновителем и проводником которой в этом году уже объявили себя США.

Подтверждением вышеуказанного являются обнародованные накануне Климатического саммита два доклада Разведывательного сообщества США.

В 7-м издании доклада Национального разведывательного совета США о глобальных тенденциях, ставшего достоянием общественности в апреле 2021 г., указывается, что одной из глобальных проблем человечества станет проблема климата (наряду с конфликтами и социальным расслоением). В рамках одного из двух базовых сценариев, прописанных в Докладе, — «трагедия и мобилизация» — констатируется следующее: «В 2040 году глобальная коалиция во главе с Европейским союзом и Китаем, работающая с неправительственными организациями и возрожденными многосторонними институтами, осуществляет далеко идущие изменения, направленные на борьбу с изменением климата, истощением ресурсов и нищетой после глобальной продовольственной катастрофы, вызванной климатическими явлениями и деградацией окружающей среды»⁵.

⁵ Global Trends — 2040 // National Intelligence Council [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dni.gov/index.php/global-trends-home> (дата обращения: 20.04.2021).

Офис главы Национальной разведки США тогда же, в апреле 2021 г., обнародовал доклад «Ежегодная оценка угроз»⁶. Здесь также существенное внимание уделено проблемам деградации экологии и изменения климата, которые получили статус одной из ключевых угроз безопасности США. В докладе указывается, что последствия изменения климата и ухудшения состояния окружающей среды создадут прямые и косвенные угрозы, включая риски для экономики и повышенную политическую нестабильность. Истощение ресурсов почвы, воды и биоразнообразия поставят под угрозу инфраструктуру, здравоохранение, водоснабжение, продовольственную безопасность. Особенно во многих развивающихся странах, которые не имеют возможности быстро адаптироваться к изменениям. Это увеличивает вероятность конфликта из-за конкуренции за ограниченные природные ресурсы. Подчеркивается, что в целом угрозы изменения климата усилятся. Еще одной ключевой угрозой в докладе обозначено растущее число влиятельных негосударственных игроков на мировой арене. Важно подчеркнуть следующее: «фокус» заключается в том, что, нагнетая напряженность вокруг одной угрозы, переформатировав ее в геополитическое оружие и назвав «зеленым курсом», можно достаточно эффективно противостоять второй угрозе. О начале этой гибридной по характеру военной кампании (а это и есть тактический уровень экогеополитики) и было объявлено американским Президентом Дж. Байденом на Климатическом саммите — 2021.

Формально базовым экономическим приоритетом экополитики будет, как и прежде, создание и динамичная институционализация «зеленой» (то есть экологически приемлемой) экономики [Яшалова 2012]. Так как именно она в своем идеальном исполнении и призвана стать моделью экономического развития, при которой будет обеспечиваться экономический рост и повышение благосостояния современных государственно-организованных обществ без деградации окружающей среды [Яшалова 2012].

В реальности же мир уже наблюдает ситуацию, когда новый мегатренд будет корректировать механизмы глобального управления. И если до настоящего времени мир жил по финансово-экономическим принципам «Вашингтонского консенсуса» (1989 г.), ставшего инструментом США по переформатированию мировой финансово-экономической, а затем и общественно-политической структуры мира и продвижению

⁶ Annual Threat Assessment of the US Intelligence Community // National Intelligence Council [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2021-Unclassified-Report.pdf> (дата обращения: 20.04.2021).

глобализации, то в ближайшее время следует ожидать появления новой концепции, нового «консенсуса», но уже не в геоэкономическом, а в экогеополитическом поле. Здесь можно провести условную аналогию с переходом от Бреттон-Вудской финансовой системы к Ямайской в 1970-х гг.: ликвидация привязки доллара к золоту и фактическая его привязка к нефти, которая стала кровью мировой финансовой-экономической системы. А теперь нефть должна буквально позеленеть.

Говоря о так называемом углеродном следе, США обычно указывают на Китай, на который приходится 30% всех мировых выбросов (однако важно подчеркнуть, что вместе с США и Европейским союзом они воспроизводят более 55% парниковых газов)⁷. Это объясняет, почему Вашингтон стремится посадить Китай за стол переговоров, выразив готовность забыть о текущих китайско-американских экономических спорах и противоречиях. На самом деле речь идет о попытке США заставить Китай принять навязываемые США и Европейским союзом правила игры в сфере экологических проблем и климата. Продвигаемые параметры экополитики явно не будут соответствовать интересам Китая с его промышленноориентированной экономикой и интересам России с ее добывающей промышленностью [Прокофьев и др. 2016]. В рамках продвигаемой США модели, в центре которой стоит новый экологический мегатренд и новый геополитический инструментарий, правила и стандарты будет устанавливать коллективный Запад, а страдать от них будут экономики и общества Китая и России с плохо предсказуемыми, в случае принятия Пекином и Москвой этих правил, последствиями. Однако Китай к всеобщему удивлению дал понять, что поддерживает новый «зеленый курс» США, обнародовав планы на 14-ю пятилетку и заявив о достижении максимальных объемов выбросов к 2030 г. и выходе на углеродно-нейтральную экономику к 2060 г. (для сравнения: США и ЕС планируют выйти на углеродно-нейтральную экономику к 2050 г.). Для специалистов очевидно, что Китай не торопится делать свою экономику «зеленой», они, следуя китайской традиции, будут продолжительное время наблюдать, как с аналогичными задачами будут справляться другие государства (и развитые, и развивающиеся) и как эта политика декарбонизации скажется на их экономиках. Однако именно присоединение Китая к этой инициативе и позволяет определить «зеленый курс» как глобальный мегатренд.

⁷ США начали работу со странами-источниками выбросов парниковых газов для проведения саммита в апреле 2021 года // MegaTrends [Электронный ресурс]. URL: <https://megatrends.su/news/green-energy/> (дата обращения: 02.04.2021).

Вопрос в том, насколько навязываемые США правила игры в итоге устроят Пекин. Анализ дискурса показывает, что США стремятся таким образом нанести непоправимый урон своим геополитическим противникам, а значит, успешно осуществлять политику геополитического сдерживания. В случае, если США не удастся вовлечь Китай и Россию в этот диалог на выгодных для себя условиях (навязать «зеленый курс» таким, каким его понимают в Белом доме, и заставить платить за него), моментально включится излюбленный инструмент внешней политики США — санкции. «Зеленая энергетика» как ключевая составляющая «зеленого курса» будет объявлена «демократичной», а российские нефть и газ будут объявлены «недемократичными» (в них отсутствуют «молекулы свободы», в отличие от американского сжиженного природного газа (СПГ)⁸), для китайских «незеленых» товаров будут закрыты рынки сбыта. Параллельно США будут продвигать свой СПГ, технология производства которого считается крайне «грязной» с точки зрения экологии, как и процесс его транспортировки на европейские рынки. Кроме того, США включают печатный станок и начнут массово выдавать развивающимся странам дешевые «длинные» кредиты для организации «зеленых производств», что породит волну желающих кредитоваться в американских финансовых структурах и становиться «зелеными». Одновременно будут подключены другие разнообразные инструменты гибридного противоборства, направленные на «озеленение» внутренней оппозиции в странах-оппонентах, провоцирование внутренних и международных кризисов в формате прокси-войн и проч. Прецедентов использования экологической проблематики в поддержании международной нестабильности было довольно много, достаточно вспомнить проблему Рогунской ГЭС в контексте таджикско-узбекских отношений и продвижения американских интересов в регионе.

Таким образом, утверждение США в роли мирового гегемона инструментами экогеополитики будет сопровождаться запуском новой фазы гибридной войны США против России. И в этом направлении США уже активно продвигаются. 21 апреля 2021 г., за день до начала Климатического саммита — 2021, госсекретарь США Э. Блинкин заявил о появлении «нового театра конфликта» в богатой минеральными ресурсами Арктике из-за изменений климата. Речь шла не только о Китае, который не является арктическим государством, хоть и весьма настойчиво обозначает свои интересы

⁸ В Вашингтоне назвали природный газ США «молекулами американской свободы» // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/05/2019/5cef2f7c9a794783eb7e9891> (дата обращения: 20.04.2021).

в регионе, но прежде всего о России. Очевидно, что США и поддерживающий их ЕС в этом контексте будут активно апеллировать к концепции «экологической справедливости», сформировавшейся еще в 1980-х годах в США.

Однако у арктического кейса есть и еще один важный аспект — это логистический потенциал региона. С учетом структуры мировой экономики перемещение товаров представляет собой весьма капиталоемкую и прибыльную отрасль. Блокировка Суэцкого канала, породившая кризис в марте 2021 г., очередной раз продемонстрировала уязвимость старых логистических артерий и потенциальную угрозу для мировой торговли. На этом фоне автоматически увеличилась потенциальная ценность Северного морского пути, контролируемого Россией. Эксперты заговорили о том, что Россия в перспективе будет определять будущее мировой экономики. Это еще один аргумент в пользу того, что Северная Евразия как геополитическое воплощение России является вызовом для США. Поэтому есть все основания полагать, что одна из ключевых задач новой климатической повестки США — это создание еще одного театра военных действий с участием России — в Арктике.

Перспективы экогеополитики как политической практики и нового геополитического концепта

Необходимо подчеркнуть, что в объявленном Вашингтоном новом «зеленом курсе» практически нет экономического смысла в измерении внутренней политики США, что не характерно для капиталистической системы в рамках либеральной парадигмы. Новый «зеленый курс» как глобальный мегатренд — это, по сути, практическая геополитика, реализуемая США и их европейскими союзниками в отношении всего мира для удовлетворения американских геополитических и геоэкономических интересов. В основе «зеленого курса» — спекулятивные механизмы, изначально заложенные в механику глобального управления.

Эксперты, осознавая риски «зеленого курса» по-американски для экономик развивающихся стран, указывают на дилемму, с которой эти страны столкнутся уже в ближайшем будущем: что важнее — «зеленая энергетика» или зеленые доллары? Другими словами, для таких государств выбор между «зеленой энергетикой» как ключевым этапом перехода к углеродно-нейтральной экономике и реальным экономическим ростом, то есть развитием государства, может стать фатальным.

Таким образом, можно констатировать, что США продолжают определять глобальную повестку. На этот раз они запустили процессы, которые должны работать в их пользу, и породили новое явление в практической геополитике — экогеополитику,

которое требует дополнительного анализа. Так, в частности, анализа требуют составляющие экогеополитики: процедуры и участники процесса целеполагания и планирования, схемы финансирования и отчетности, процедуры и институты, осуществляющие контроль за реализацией экополитических мер, процедуры «наказания» за невыполнение/неучастие (санкции и проч.). Отдельно нуждаются в изучении направления экогеополитики: правовое, социально-экологическое, эколого-экономическое, направление, связанное с экологической безопасностью национального, регионального и глобального уровня.

Спорными остаются и перспективы «зеленой энергетики» как ключевой составляющей «зеленого курса». По мнению российских экспертов, так называемый «зеленый переход» потребует гораздо больше электроэнергии, чем могут дать современные энергосистемы. И неизбежным следствием увеличения доли «зеленой энергетики» в общей генерации станет увеличение выбросов углекислого газа, то есть усугубится то явление, с которым и пытается бороться «зеленая энергетика».

Перспективы экогеополитики как политической практики в настоящий момент связаны с внешнеполитической активностью США. Это, однако, не означает, что другие геополитические центры силы — прежде всего Россия и Китай — не предложат в обозримом будущем альтернативные экогеостратегии и не будут их жестко отстаивать. Ибо только это сможет сдержать новый вид американской глобальной экспансии. Пока же США борются за восстановление гегемонии и для достижения этой цели стремятся остановить развитие всех остальных экономических и военно-политических центров силы, управлять ресурсами, которых становится все меньше. Навязывая другим странам «зеленый курс» и климатическую повестку, США фактически будут ограничивать их энергопотребление, что неизбежно негативно скажется на национальных экономиках. Для США «зеленый курс» — это возможность и оказывать влияние на эти же страны посредством финансовых инструментов, и одновременно зарабатывать на них. Речь идет о финансовых интересах США: группа американских инвесторов, контролирующая более 40 трлн долларов активов, успешно лоббирует «зеленый курс» США и готова финансировать «зеленые» проекты национальных экономик, давая в долг. Учитывая наличие «зеленой энергетической ловушки», можно предположить, что слабые экономики развивающихся стран не смогут эффективно освоить эти кредитные средства и эти государства окажутся в долговой яме, как это неоднократно происходило в 1970-80-х гг. при схожих обстоятельствах в условиях навязываемых Западом экономических реформ. Однако в любом случае деньги, данные в долг, вернуться в США так или иначе.

Таким образом, «зеленый переход» — это фактор, который спровоцирует экономическую катастрофу из-за нехватки энергии⁹: сначала на национальном, затем на региональном и глобальном уровнях. Это и перспектива социально-политических кризисов, когда из-за нехватки энергии будут спровоцированы такие явления, как конкуренция за ресурсы, нищета, голод и конфликты.

Примечательно, что противостоять потеплению климата будут Министерство обороны США и НАТО. Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг заявил, что изменение климата имеет «прямые последствия» для безопасности НАТО во всем мире, а таяние морского льда «подогревает стратегическое соперничество». Далее генсек отметил, что странам НАТО необходимо адаптироваться, потому что экстремальные погодные условия «напрямую повлияют» на военные операции, оборудование и базы за рубежом¹⁰. Соответственно, НАТО планирует действовать по всему миру с целью противодействия природным катастрофам, будут скорректированы деятельность разведки и программы военной подготовки, расширится число военных баз НАТО, нацеленных на решение экологических проблем, и проведена внутри Альянса оценка потенциальных угроз, связанных с нарушениями климата. Относительно Арктики Столтенберг отметил: «Таяние морского льда на Крайнем севере подогревает стратегическое соперничество, отчасти потому, что оно откроет морские пути между Европой и Азией. Оно повысит экономический интерес к этой области для нефтегазовой деятельности и, конечно же, также упростит перемещение военных возможностей». Кроме того, он обвинил Россию в попытке «контролировать движение» по новым морским путям и сказал, что НАТО необходимо отстаивать свои права на «свободу судоходства», присутствуя в регионе¹¹. Позже Министр обороны Соединенных Штатов Ллойд Остин назвал изменение климата «экзистенциальной» угрозой национальной безопасности США. А еще в январе 2021 г. Пентагон объявил, что теперь он будет учитывать изменение климата при планировании военных учений и включит этот вопрос в свою будущую Стратегию национальной обороны. В марте Министерство обороны США также объявило о создании рабочей группы по реагированию на указы Байдена,

⁹ Так, сегодня на цифровую экономику приходится 12% всего энергопотребления.

¹⁰ Изменение климата грозит новой холодной войной в Арктике, предупреждает глава НАТО Йенс Столтенберг // InoPressa [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inopressa.ru/article/19Mar2021/times/nato.html> (дата обращения: 04.04.2021).

¹¹ Там же.

направленные на решение климатического кризиса¹². Директор разведки США Аврил Хэйнс, назначенная на этот пост в январе 2021 г., подтвердила, что вопрос климата — ключевой вопрос внешней и оборонной политики США. Она подчеркнула, что изменение климата должно быть полностью интегрировано с национальной безопасностью; изменение климата больше не является второстепенной проблемой, климат находится в центре внешней политики США; спецслужбы давно осознали важность изменения климата; ЦРУ за последние 30 лет выявило немало геополитических последствий климатических изменений в России, Азии, Африке и Арктике, теперь это будет приоритетом¹³.

Учитывая такую активность силовых структур США и НАТО, можно смело утверждать, что глобальная война с терроризмом под чутким руководством США медленно, но верно будет заменена войной за климат и «зеленый переход», геополитический характер которой подтверждают сами американские спецслужбы. И в центре этой экогеополитической глобальной борьбы — Азия, Россия и Арктика.

Таким образом, поставив в краткосрочной перспективе экогеополитики цель продвижения идеи углеродно-нейтрального мира, США будут стремиться вернуть гегемонию, сохранить ее и упрочить за счет ограничения развития других существующих и нарождающихся центров мира. В отношении Российской Федерации избранная в рамках американской экогеополитики стратегия может рассматриваться как новый комплекс тактических механизмов ведения гибридной войны.

«Зеленый курс», как в свое время права человека, можно рассматривать в качестве механизма «вскрытия» суверенитета. Так, советник министра обороны РФ Андрей Ильницкий, выделяя три составляющие суверенитета — военную, политическую и экономическую, отмечает, что состояние последней является ключевой уязвимостью России. И «зеленый курс» нацелен именно на то, чтобы уничтожить российский суверенитет через давление на эту уязвимость. Причем он указывает, что самые серьезные проблемы сосредоточены в финансово-экономическом блоке в силу зависимости от американской финансовой системы, в то время как реальный сектор

¹² Пентагон назвал климатический кризис «экзистенциальной» угрозой для нацбезопасности США // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/762831> (дата обращения: 20.04.2021).

¹³ Времена экологов-активистов проходят. США подвели итоги виртуального климатического саммита // Neftegaz.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://neftgaz.ru/news/ecology/678028-ssha-podveli-itogi-klimaticheskogo-sammita/> (дата обращения: 20.04.2021).

экономики России удалось восстановить¹⁴. Примечательно, что в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. в разделе «Основные вызовы и угрозы экономической безопасности» в ст. 12. п. 6. указывается, что угрозой является «изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы и структуры их потребления, развитие энергосберегающих технологий и снижение материалоемкости, развитие «зеленых технологий»¹⁵. Одновременно в Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 г. указывается, что одним из приоритетов государственной энергетической политики является «переход к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике»¹⁶. Такое противоречие в стратегических документах можно объяснить лишь тем, что Россия находится в поиске эффективного подхода к решению проблемы навязывания извне «зеленого курса» и готовится занять аргументированную позицию по данному вопросу на международном уровне.

Наконец, перспективы экогеополитики как нового проблемного поля геополитики и в качестве предложенного нового геополитического концепта видятся как вполне востребованные для анализа международно-политической активности. Операциональный потенциал предложенных к введению в научный оборот понятия и категории «экогеополитика» может использоваться для объяснения специфики трансформации мировой политической повестки и качественно-количественных изменений в перечне глобальных мегатрендов. Особое значение категория и концепт экогеополитики как объяснительная стратегия могут иметь для текущей оценки состояния национальной и международной безопасности.

Заключение

Результаты проведенного исследования показали качественную трансформацию глобальной повестки, которую нельзя определить как однозначно объективный, исторически обусловленный процесс. Экологические и климатические проблемы стали фактором глобальной конкуренции за ресурсы и геополитическое лидерство, где

¹⁴ Выпуск от 29.04.2021 г. Розовые очки зеленой энергетики // Звезда [Электронный ресурс]. URL: <https://tvzvezda.ru/schedule/programs/201808241352-z30e.htm/2021429165-dOYD6.html> (дата обращения: 20.04.2021).

¹⁵ Указ Президента РФ № 208 от 13 мая 2017 г. «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf> (дата обращения: 05.04.2021).

¹⁶ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года (утверждена распоряжением Правительством РФ № 1523-р от 9 июня 2020 г. // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf> (дата обращения: 07.04.2021).

ключевая роль все еще принадлежит США. Одновременно на уровне геополитической тактики они выступают в качестве технологий гибридного противоборства. Отсутствие полноценной международной нормативно-правовой базы в сфере климата лишь усугубляет сложившуюся предкризисную ситуацию.

События первых месяцев 2021 г. показали, что мессианизм продолжает играть идеологическую роль в формировании внешней политики США, взявших на вооружение климатическую повестку. При этом использование военной силы по-прежнему остается главным инструментом продвижения внешнеполитических интересов США. Результаты исследования показали, что «зеленый курс» представляет собой, с одной стороны, новый глобальный мегатренд, с другой стороны, «новую демократию» по-американски. Другими словами, правительства тех стран, территории и ресурсы которых представляют интерес для США, отказавшись переходить на «зеленые рельсы» (то есть признавать «зеленные ценности» в виде, например, безусловного приоритета возобновляемых источников энергии), будут попросту свергнуты и заменены лояльными США режимами. Таким образом, климатическая повестка и «зеленый курс» — это очередной легализованный повод для реализации политики принуждения. По сути, это и есть экодиктатура и экополитическое насилие, признаваемые мировым сообществом в качестве экстремистских экополитических практик. Можно утверждать, что политика принуждения к принятию «зеленого курса» породит локальные и региональные кризисы. Пожалуй, единственным выходом из складывающейся вокруг нового мегатренда кризисной ситуации может быть создание альтернативных повесток, дискурсов и проектов на базе таких объединений, как БРИКС и ШОС, учитывающих интересы не только развитых, но и так называемых развивающихся стран, для которых «зеленый переход» может стоять не только суверенитета, но и государственности.

Предложенный в статье геополитический концепт экогеополитики в рамках реализации концептуальной схемы изучаемой области был успешно соотнесен с интерпретационной схемой, обеспечившей связь указанного концепта с эмпирической базой исследования. Развернутая в статье концептуальная схема, включившая в себя исходные концепты, понятия и категории, позволила в результате продуцировать обширный круг выводов, характеризующих реальность в исследуемом проблемном поле на качественно новом уровне. Таким образом, анализ изменений в проблемном поле позволил предложить новую категорию «экогеополитика» и путем теоретического обобщения как методологического приема выработать концепт экогеополитики. Последний требует дальнейшей разработки и концептуализации на новом теоретическом

уровне с целью составления системных представлений об экогеополитике в исследовательских процедурах. Кроме того, представляет интерес дальнейшее изучение вариантов оформления экогеополитического концепта как направления внешнеполитической практики в национальных геостратегиях ведущих государств, претендующих на участие в формировании глобальной повестки, и их сравнительный анализ.

Список литературы:

- Ермолов Н.Г.* Модели экологической политики: генезис и эволюция // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 245–249.
- Костин А.И., Изотов В.С.* Перспективы устойчивого развития в условиях многомерного кризиса: переосмысление концептов, ключевые факторы, условия успеха // Политическая наука. 2017. Спецвыпуск. С. 63–87.
- Нефедов С.А.* Экополитическое насилие как феномен современной политической жизни // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5. С. 154–158.
- Полулях Д.С.* Дискурсивная борьба в международной экологической политике // Русская политология. 2017. № 3. С. 36–42.
- Прокофьев И.В., Лыжин Д.Н., Ларин О.Н., Блинков В.М., Прокопенкова И.О., Шарова Е.А., Тодоров А.А.* «Зеленая» экономика — новый вектор глобального развития: возможности и вызовы для России // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 4(37). С. 58–102.
- Харитонова Н.И.* Американская «биоПРО» — элемент биологического терроризма // Научно-практический бюллетень Национального антитеррористического комитета. 2018. Т. 49. № 1. С. 211–224.
- Шуленина Н.В.* К вопросу об определении понятия «Экологическая политика» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2006. № 8. С. 51–63.
- Яшалова Н.Н.* Экологические инновации как приоритетное направление «зеленой» экономики // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2012. № 5. С. 72–81.
- Blyth M.* Capitalism in Crisis. What Went Wrong and What Comes Next // Foreign Affairs. 2016. Vol. 95. July – August. P. 172–179.
- Commoner B.* The Closing Circle: Nature, Man, and Technology. New York: Knopf. 1971.
- Wagner G., Weitzman M.* Climate Shock: The Economic Consequences of a Hotter Planet. Oxford: Princeton University Press, 2016.
- Williams B., Matheny A.* Democracy, Dialogue and Environmental Disputes. New Haven-London: Yale University Press, 1995.

Дата поступления: 23.04.2021

References

- Blyth M. (2016) Capitalism in Crisis. What Went Wrong and What Comes Next. *Foreign Affairs*. Vol. 95. July – August. P. 172–179.
- Commoner B. (1971) *The Closing Circle: Nature, Man, and Technology*. New York: Knopf.
- Ermolov N.G. (2012) Models of Environmental Policy: Genesis and Evolution. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. No. 3. P. 245–249.
- Kharitonova N.I. (2018) Amerikanskaya «bioPRO» — element biologicheskogo terrorizma [American “bio-missile defense” — an element of biological terrorism]. *Nauchno-prakticheskiy byulleten' Natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta*. Vol. 49. No. 1. P. 211–224.
- Kostin A.I., Izotov V.S. (2017) The Prospects of Sustainable Development in a Multi-Dimensional Crisis: Redefining Concepts, Key Factors and Conditions for Success. *Politicheskaya nauka*. Spetsvypusk. P. 63–87.
- Nefedov S.A. (2013) Eco-Political Violence as the Phenomenon of Contemporary Political Life. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. No. 5. P. 154–158.
- Polulyakh D.S. (2017) Diskursivnaya bor'ba v mezhdunarodnoy ekologicheskoy politike [The international discourse struggle in environmental policy]. *Russkaya politologiya*. No. 3. P. 36–42.
- Prokof'yev I.V., Lyzhin D.N., Larin O.N., Blinkov V.M., Prokopenkova I.O., Sharova E.A., Todorov A.A (2016) The Green Economy — A New Vector of Global Development: Opportunities and Challenges for Russia. *Problemy natsional'noy strategii*. No. 4(37). P. 58–102.
- Shulenina N.V. (2006) Some Problems of Definition of “Ecopolitics”. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. No. 8. P. 51–63.
- Wagner G., Weitzman M. (2016) *Climate Shock: The Economic Consequences of a Hotter Planet*. Oxford: Princeton University Press.
- Williams B., Matheny A. (1995) *Democracy, Dialogue and Environmental Disputes*. New Haven-London: Yale University Press.
- Yashalova N.N. (2012) Ecological Innovations as a Priority Direction of Green Economy. *Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravleniye*. No. 5. P. 72–81.

Received: 23.04.2021